

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Валерий Ефремов¹⁾,
Валентина Черняк¹⁾, Надя Чернева²⁾

¹⁾Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена – Санкт-Петербург (Россия)

²⁾Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского – Пловдив (Болгария)

Абстракт. В работе приводится краткий исторический экскурс возникновения и семантического наполнения понятия *культурная память* в современных общелингвистических исследованиях, восходящая к работам немецких историков и культурологов (Я. и А. Ассман) и советских филологов (Ю. М. Лотман, Б. М. Гаспаров и Тартуско-московская школа). Показано, что в современной филологической науке анализ культурной памяти и ее динамики наиболее продуктивно проводить с опорой на теорию прецедентных феноменов Ю. Н. Караулова. Именно исследование прецедентного фонда лингвокультуры и интертекстуального тезауруса личности позволяет в наиболее полной мере реконструировать вербальную составляющую культурной памяти той или иной лингвокультуры и обнаружить или спрогнозировать неизбежные участки разрыва поколений (*generation gap*).

Ключевые слова: культурная память; типы культурной памяти; лингвокультура; прецедентные феномены, прецедентный фонд; интертекстуальный тезаурус

С 1980-х гг. в западной гуманитарной науке всё большую силу набирают исследования культурной памяти (*memory studies*), восходящие к работам социологов Мориса Хальбвакса (теория «коллективной и исторической памяти», «коллективных воспоминаний»), Эмиля Дюркгейма (концепция «коллективного сознания») и философа Поля Рикёра (концепты «просвещенная память», «искусство памяти», «искусство забывания»). С этого же времени в советской, а позже российской лингвистике актуализируется лингвокультурологическое направление, нашедшее отражение и в ряде теоретических исследований, и в лексикографической практике, и в практике преподавания русского языка.

1. Культурная память: общелингвистический и семиотический подходы

Собственно филологический аспект исследования культурной памяти практи-

чески одновременно возникает в немецкой и советской филологии в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века.

В ставшей классической работе «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» (1992; рус. пер. 2004), вслед за работами М. Хальбвакса, филолог классик и историк Ян Ассман выделяет четыре вида коллективной памяти: миметическую, предметную, коммуникативную и культурную. *Миметическая память* связана с деятельностью, которой члены общества обучаются через подражание; этот тип памяти может вербализоваться, например, в виде «инструкций по применению, поваренных книг, строительных пособий» (Assman 2004, 19). *Предметная память* связана с артефактами и всем тем, что окружает человека: от домашней утвари до транспорта и городов. Каждый рукотворный элемент окружающего мира так или иначе хронологически маркирован и репрезентирует элемент того или иного общества. Разумеется, этот тип культурной памяти с языком связан опосредованно. *Коммуникативная память* – это «те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» (Assman 2004, 52). Типичный пример – память поколения. Предполагается, что этот тип памяти мало формализован, транслируется «из уст в уста», она интеракциональна по своей природе и создается обществом: «язык и способность коммуницировать с окружающими человек приобретает не изнутри, из самого себя, а только в общении с другими, в круговом, или возвратном, взаимодействии внутреннего и внешнего. <...> сознание и память создаются в отдельном человеке только благодаря его участию в этом взаимодействии» (Assman 2004, 20). Коммуникативную память характеризуют: а) недолговечность (сам автор полагал, что это 80-100 лет, временной горизонт в 3 – 4 поколения); б) трансляция через непосредственный опыт и устные рассказы; в) отсутствие точек пересечения с глубоким прошлым, так как она формируется историческим опытом в рамках индивидуальных биографий. *Культурная память*, по Яну Ассману, это форма «передачи и воскрешения» культурных смыслов, которая образует семиотическое пространство, вбирающее в себя все другие формы коллективной памяти. Более того, каждая социальная страта вбирает и (ре)конструирует знание о себе и своей идентичности, формируя присущую именно ей культурную память (эта идея была высказана еще М. Хальбваксом): «В противоположность общераспространенной причастности к коммуникативной памяти, причастность к культурной памяти всегда дифференцирована» (там же: 56). В контексте современных психолингвистики и лингвокультурологии обнаруживается непосредственная связь культурной памяти с национальным культурным кодом, с прецедентными феноменами тех или иных микросоциумов (об этом ниже). Культурная память – это не только и не столько хранилище информации, сколько сложно-структурированная и постоянно трансформирующаяся система.

Практически одновременно с работами Яна Ассмана появляются и исследования его супруги, историка и культуролога Алейды Ассман, которая культурную

память как элемент коллективной памяти противопоставляет другим формам (в ее терминологии – «форматам») памяти: социальной, индивидуальной и политической. Социальная память, как и коммуникативная память Я. Ассмана, в ее концепции предстаёт в виде «оперативной памяти» общества и определяется достаточно короткими временными рамками: «динамика памяти общества существенно определяется сменой поколений. Каждая такая смена, происходящая примерно с тридцатилетним периодом, заметно сдвигает в обществе профиль его воспоминаний. Позиции, которые раньше господствовали или считались репрезентативными, постепенно перемещаются от центра к периферии» (Assman 2014, 24). Таким образом, социальная и индивидуальная память «персонифицированы», так как детерминированы памятью индивидов и их интеракциями. Культурная и политическая же память, напротив, имеют иную природу: эти типы долговременной памяти позволяют устранить разрыв поколений, обеспечить единство культурного кода отцов и детей. Важной в концепции А. Ассман является мысль о том, что с ходом времени в культурной памяти обязательно смещается восприятие тех или иных культурных смыслов: этот процесс неизбежен в связи со сменой эпох или обновлениями коммуникативной памяти. Политическая память связана с созданием истории, мифов и прочих нарративов и так же, как культурная память, способствует идентификации нации.

Исследование культурной памяти неразрывно связано и с идеями основателя Московско-таргуской школы Ю. М. Лотмана, неоднократно писавшего о важности для семиотического анализа культуры понятия *память культуры*, которую он также связывал с коллективной памятью: «всякое функционирование какой-либо коммуникативной системы подразумевает существование общей памяти коллектива» (Lotman 1986, 616). Саму суть культуру автор напрямую определяет через концепт памяти: «С точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» (Lotman 1992, 200). Для семиотического подхода важно, что культурная память обеспечивается списком некоторых константных текстов, которые и создают общее пространство данной культуры.

Второй важный аспект концепции культурной памяти Ю. М. Лотмана – «память культуры не только едина, но и внутренне разнообразна. Это означает, что ее единство существует лишь на некотором уровне и подразумевает наличие частных «диалектов памяти», соответствующих внутренней организации коллективов, составляющих мир данной культуры» (там же).

Кроме того, исследователь выделяет две формы памяти: *память информативная* и *память креативная (творческая)*. Примером творческой памяти Ю. М. Лотман называет *память искусства*, для которой жизненно важными становятся постоянные процессы актуализации и процессы забвения текстов культуры (в семиотическом понимании): «Актуальные тексты высвечиваются

памятью, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию» (Lotman 1992, 201). Текст может утрачивать первоначальный смысл, а его интерпретация зависит от неминуемых в ходе времени утрат и приобретений: «тексты, образующие «общую память» культурного коллектива, не только служат средством дешифровки текстов, циркулирующих в современно-синхронном срезе культуры, но и генерируют новые» (Lotman 1992, 202). Разумеется, каждая культура самостоятельно определяет состав того, что следует помнить, а что предать забвению. В этой связи уместно вспомнить слова психолингвиста Р. М. Фрумкиной: «В каждой культуре есть круг текстов, которые “положено” знать, и это “положено” распространяется на всех более или менее образованных или хотя бы просто грамотных представителей данной культуры. Мне трудно представить себе человека русской культуры, который не знает, кто такой Евгений Онегин. Пусть он и роман не читал, а из оперы слышал две арии. Наконец, пусть лишь слышал, что есть такая не то песня, не то просто музыка. Но именно “про Онегина”» (Frumkina 2002, 133).

Значимость языковой памяти уже не только для культуры, но и для полноценного коммуникативного существования каждого конкретного человека подчеркивает и Б. М. Гаспаров: «основу нашей языковой деятельности составляет гигантский “цитатный фонд”, восходящий ко всему нашему языковому опыту. Языковая память каждого говорящего формируется бесконечным множеством коммуникативных актов, реально пережитых и потенциально представимых» (Gasparov 1996, 80 – 81).

Итак, во всех рассмотренных концепциях, культурная память предстает не просто как некое хранилище информации, а как сложная, динамичная, непрерывно трансформирующаяся система, связанная с процессом смены знаний, в котором социальные страты накапливают, конструируют и реконструируют знание о собственной (культурной) идентичности. Культурная память гетерогенна, внутренне разнообразна, культурные смыслы в коллективной памяти не «хранятся, а растут», видоизменяются и прорастают новыми. Следовательно, в самых общих чертах культурную память можно охарактеризовать как сложноструктурированную и динамичную форму трансляции, актуализации и видоизменения культурных смыслов.

2. Вербализация культурной памяти: прецедентные феномены

Исследование культурной памяти сегодня обращено к проблеме прецедентности, связанной с классическими работами французских структуралистов (Р. Барт, Ю. Кристева и др.), с идеями М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана и др. Свое теоретическое осмысление и практическую реализацию в конце XX – начале XXI в. эта проблема получила в исследованиях российских лингвистов (Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Г. Г. Слышкин, Н. А. Кузьмина, Н. А. Фатеева, В. Д. Черняк, К. П. Сидоренко и мн. др.), в центре внимания которых оказываются пре-

прецедентные тексты, характеризующиеся как «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Karaulov 2003, 216). Развитие концепции Ю. Н. Караулова привело исследователей к выделению прецедентных феноменов различных типов (Krasnykh 2016, 225). Сегодня в российской лингвистике традиционно выделяют прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные высказывания и прецедентные ситуации.

Наличие тех или иных личностно актуальных и культурно обусловленных феноменов в памяти и сознании конкретного индивида предопределено его причастностью к конкретному лингвокультурному сообществу. «Существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» (Halbwachs 2007, 29). Коллективной памяти «свойственны не только пространственная и временная конкретность, но и, если так можно выразиться, идентификационная конкретность» (Assman 2004, 41). Коллективная память обеспечивает общность национального культурного кода, для существования которого важна постоянная повторяемость прецедентных феноменов.

Корпус активно используемых в том или ином социуме прецедентных феноменов представляет совокупность лексических и фразеологических единиц, крылатых фраз, отражающих систему ценностей лингвокультурного сообщества. В. Н. Телия отмечает, что, когда коммуниканты являются субъектами единой культуры, ее код так или иначе распознается в тексте (Teliia 1996, 215).

Прецедентные тексты как элементы культурной памяти общества можно разделить на два типа: *историко-национальные* (в концепции Ю. Н. Караулова «места памяти как крупные явления национальной истории и культуры, известные большинству носителей данного языка и культуры, хранящиеся в памяти поколений и связанные, как правило, с именами собственными – антропонимами и топонимами» (Karaulov 1999, 154) и *актуальные* («заметные события текущей общественно-политической и культурной жизни» (Karaulov 1999, 155). В связи с этим принято выделять универсально-прецедентные, национально-прецедентные, социумно-прецедентные феномены, а также те, которые известны и актуальны «здесь и сейчас» (SLTT 2017, 118 – 119). Принципиально важна динамичность культурной памяти. Культурный фонд содержит не только некие константы, культурные доминанты (Карасик 1996), например, для русского языка это *мамаево побоище, Плач Ярославны, Война и мир, Я помню чудное мгновенье* и т. п., но и меняющиеся со временем единицы (например, многие культурные маркеры советской эпохи), и сиюминутные, четко хронологически маркированные единицы, обреченные на скорое исчезновение (например, интернет-мемы или актуальные исключительно для конкретной эпохи прецедентные имена).

Следует подчеркнуть, что в современных исследованиях к прецедентным текстам относятся не только значимые для национальной культуры произведения классической литературы, классической детской литературы, но и современные тексты различных типов, в том числе разнообразные тексты массовой культуры, активно используемые в актуальной речевой практике (Didkovskaya & Chernyak 2020).

3. Вербализация культурной памяти: интертекстуальный тезаурус

Прецедентные феномены различных типов являются важной составляющей такого фрагмента языковой личности, как интертекстуальный тезаурус. Это понятие, введенное Н. А. Кузьминой (Kuz'mina 2011), определяется как «некоторый набор прецедентных феноменов, которые, с одной стороны, могут быть усредненными, типичными для конкретного исторического времени, с другой – специфичными, характеризующими языковую личность как носителя определенного типа речевой культуры, наконец, есть такие интертекстуальные знаки, которые свойственны индивидууму как члену разных языковых коллективов (семьи, дружеского круга и т. п.)» (Solomina 2008, 3).

В рамках художественной коммуникации интертекстуальный тезаурус определенным образом актуализирует и такую важную составляющую культурной памяти, как образный тезаурус: «тезаурус образного языка не есть результат априорной классификации. Это – условное обозначение тех устойчивых смыслов, которые регулярно участвуют в образных парадигмах, то есть реально функционируют в образном мышлении» (Pavlovich 1995, 132).

В современных исследованиях интертекстуальной составляющей языкового сознания все чаще апеллируют к противопоставлению *сильных интертекстов* («получивших статус значимых в определенный исторический момент вне зависимости от эстетического качества» (Denisova 2020, 103) и *слабых интертекстов* («моментальные снимки ассоциативно-языкового сознания, актуализация которых ограничена временными рамками и связана с социальными факторами» (там же). К слабым интертекстам могут быть отнесены, например, интернет-мемы, так как они маркируют очень короткий хронологический период и не способны выполнять функцию передачи культурной памяти в другое время и другой целевой аудитории (Shomova 2019).

Исследование прецедентных феноменов и интертекстуального тезауруса напрямую связано и с исследованием такой формы репрезентации культурной памяти, как культурная грамотность – «переменный объем информации, который культура сочла полезным, и поэтому его стоит сохранить» (Hirsch 1988, 11). Культурную грамотность можно рассматривать как отдельный, самостоятельный аспект исследования культурной памяти того или иного общества в разных аспектах: от дескриптивного (каталогизация базовых единиц коллективной памяти) до прескриптивного (необходимый набор культурных знаний для каждого

образованного индивида; ср. подзаголовок словаря «Что должен знать каждый американец»).

Индивидуальные лакуны в тезаурусе, агнонимия прецедентных феноменов оказывают влияние на степень разветвленности ассоциативно-вербальной сети языковой личности и имеют неизбежные коммуникационные последствия. Для нас принципиальной является идея о том, что сохранение культурной памяти, проявляющейся, в частности, во владении прецедентными феноменами, – это важнейшее условие национально-культурной идентификации личности, связи поколений, обеспечения полноценного восприятия текстов культуры. Непонимание использованных прецедентных феноменов и их игнорирование при производстве речи являются важным показателем уровня владения языком и уровня речевой культуры.

Более того, возвращаясь к концепции Б. М. Гаспарова, напомним, что само языковое и культурное существование человека обусловлено и предопределено механизмами памяти: «основу употребления языка составляет априорное мнемоническое знание громадного материала, участвующего в качестве цитатного фонда в каждом коммуникативном акте» (Gasparov 1996, 82).

Память любого вербализованного культурного феномена, в том числе и прецедентного, о первоначальной ситуации употребления и о дальнейших контекстах его использования формирует особые, значимые для носителей языка и культуры смыслы, образующие фрагмент культурной памяти народа (см., например: Bragina 2007).

Концепция культурной грамотности, обязательно предполагающая в качестве значимых составляющих владение прецедентными феноменами, имеет важные практические последствия. В последние годы появилось значительное число исследований, посвященных культурной грамотности молодежи (Cherniak 2011; Neznaeva 2019), показавших значительную трансформацию даже базовой составляющей культурной памяти современника.

Особое значение приобретают сопоставительные исследования культурной памяти, что очень важно для эффективного межкультурного взаимодействия. Необходимо выявлять совпадающие и различающиеся участки культурной памяти молодежи, определять соотношение универсальных и национально-прецедентных феноменов в интертекстуальном тезаурусе современной молодежи.

Итак, корпус прецедентных феноменов, входящих в тезаурус языковой личности, отражает фрагменты культурной памяти народа и является значимым показателем культурной грамотности человека, обеспечивающей успешность коммуникации в разных ее формах. В условиях широко обсуждаемого сейчас в лингвистических, психологических, социологических, культурологических исследованиях принципиального изменения круга чтения, смещения центра и периферии в культурном пространстве, давления массовой культуры, вытеснения культуры письменного и звучащего слова культурой визуальной –

в этих условиях объективный анализ прецедентного фонда приобретает особое значение. Именно в эпоху смен социокультурных парадигм явственнее всего можно увидеть действие механизмов культурной памяти, процессов забвения и трансформации, механизмов порождения новых культурных смыслов.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «20-512-18006 Болг_а» («Вербализация культурной памяти: прецедентика в тезаурусе молодого поколения России и Болгарии»)

ЛИТЕРАТУРА

- АССМАН, А., 2014. *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Москва: Новое литературное обозрение
- АССМАН, Я., 2004. *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Москва: Языки славянской культуры.
- БРАГИНА, Н. Г., 2007. *Память в языке и культуре*. Москва: Языки славянской культуры.
- ГАСПАРОВ, Б. М., 1996. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое литературное обозрение.
- ДЕНИСОВА, Г. В., 2020. *Интертекст в коммуникативной реальности современного поликультурного пространства России и Италии*. Москва: Канон+
- КАРАСИК, В. И., 1996. *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград – Архангельск: Перемена.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н., 1999. *Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть*. Москва: Институт русского языка РАН.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н., 2003. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Едиториал УРСС.
- КРАСНЫХ, В. В., 2016. *Словарь и грамматика лингвокультуры*. Москва: Гнозис.
- КУЗЬМИНА, Н. А., 2011. *Интертекст: тема с вариациями: феномены языка и культуры*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: URSS ЛИБРОКОМ.
- ЛОТМАН, Ю. М., 2001. *Память культуры (1986) / Ю. М. Лотман. Семiosфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров*. Санкт-Петербург: Искусство. С. 614 – 622.
- ЛОТМАН, Ю. М., 1992. *Память в культурологическом освещении*. В: Ю. М. Лотман. *Избранные статьи. Т. 1*. Таллинн. С. 200 – 202.

- НЕЗНАЕВА, О. С., 2019. *Прецедентные феномены в студенческом общении: механизмы понимания и актуализация в различных речевых ситуациях*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов.
- ПАВЛОВИЧ, Н. В., 1995. *Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке*. Москва: Институт русского языка РАН.
- СОЛОМИНА, Н. В., 2008. *Интертекстуальный тезаурус современной языковой личности (на материале письменных текстов СМИ и интеллектуальных игр)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- СЛКТ, 2017. *Словарь лингвокультурологических терминов*. Авторы-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. Москва: Гнозис.
- ТЕЛИЯ, В. Н., 1996. *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- ФРУМКИНА, Р. М., 2002. *Внутри истории*. Москва: Новое литературное обозрение.
- ХАЛЬББАКС, М., 2007. *Социальные рамки памяти*. Москва: Новое издательство.
- ЧЕРНЯК, В. Д., 2011. «Мы все учились понемногу...»: речевая культура и культурная грамотность. *Вопросы культуры речи*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА.
- ШОМОВА, С.А., 2019. *Мемы как они есть*. Москва: Аспект Пресс.
- DIDKOVSKAYA, V., CHERNYAK, V., CHERNYAK, M., 2020. Children's Reading as a Source of Intertextual Inclusions in Fiction. *EpSBS – European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. T. 108: Man. Society. Communication*, 120 – 128. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.15
- HIRSCH, E. D., Jr., 1988. *The Dictionary of Cultural literacy. What every American needs know*. N. Y. : Random House.

REFERENCES

- ASSMAN, A., 2014. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie
- ASSMAN, Ia., 2004. *Kul'turnaia pamiat'. Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Bragina, N. G., 2007. *Pamiat' v iazyke i kul'ture*. Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- CHERNIAK, V. D., 2011. «Мы все учились понемногу...»: rechevaia kul'tura i kul'turnaia gramotnost'. *Voprosy kul'tury rechi*. Moskva: AST-PRESS KNIGA.
- DENISOVA, G. V., 2020. *Intertekst v kommunikativnoi real'nosti sovremennogo polikul'turnogo prostranstva Rossii i Italii*. Moskva: Kanon+

- DIDKOVSKAYA, V., CHERNYAK, V. & CHERNYAK, M., 2020. Children's Reading as a Source of Intertextual Inclusions in Fiction. *EpSBS – European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*. Т. 108: Man. Society. Communication. Pp. 120 – 128.
- FRUMKINA, R. M., 2002. *Vnutri istorii*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- GASPAROV, B. M., 1996. *Iazyk, pamiat', obraz. Lingvistika iazykovogo sushchestvovaniia*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- HALBWACHS, M., 2007. *Sotsial'nye ramki pamiati*. Moskva: Novoe izdatel'stvo.
- HIRSCH, E. D., Jr., 1988. *The Dictionary of Cultural literacy. What every American needs know*. New York: Random House.
- KARASIK, V. I., 1996. *Iazykovaia lichnost': kul'turnye kontsepty*. Volgograd – Arkhangel'sk: Peremena.
- KARAULOV, Iu. N., 1999. *Aktivnaia grammatika i assotsiativno-verbal'naia set'*. Moskva: Institut russkogo iazyka RAN.
- KARAULOV, Iu. N., 2003. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'*. Moskva: Editorial URSS.
- KRASNYKH, V. V., 2016. *Slovar' i grammatika lingvokul'tury*. Moskva: Gnozis.
- KUZ'MINA, N. A., 2011. *Intertekst: tema s variatsiiami: fenomeny iazyka i kul'tury*. 2-e ed. Moskva: URSS LIBROKOM.
- LOTMAN, Iu. M., 2001. Pamiat' kul'tury (1986) / Iu. M. Lotman. *Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri mysliazhchikh mirov*, 614 – 622. Sankt-Peterburg: Iskusstvo.
- LOTMAN, Iu. M., 1992. Pamiat' v kul'turologicheskom osveshchenii. In: Iu. M. Lotman. *Izbrannye statii, vol. 1*, 200 – 202. Tallinn.
- NEZNAEVA, O. S., 2019. *Pretsedentnye fenomeny v studencheskom obshchenii: mekhanizmy ponimaniia i aktualizatsiia v razlichnykh rechevykh situatsiiakh*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov.
- PAVLOVICH, N. V., 1995. *Iazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom iazyke*. Moskva: Institut russkogo iazyka RAN.
- SHOMOVA, S.A., 2019. *Memy kak oni est'*. Moskva: Aspekt Press.
- SOLOMINA, N. V., 2008. *Intertekstual'nyi tezaurus sovremennoi iazykovoii lichnosti (na materiale pis'mennykh tekstov SMI i intellektual'nykh igr)*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg.
- SLTT, 2017. *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov / Avtory-sost. M. L. Kovshova, D. B. Gudkov*. Moskva: Gnozis.
- TELIJA, V. N., 1996. *Russkaia frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty*. Moskva: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury».

CULTURAL MEMORY AND PRECEDENT PHENOMENA

Abstract. The paper provides a brief historical overview of the emergence and semantic enrichment of the concept of cultural memory in modern philological research, going back to the works of German historians (J. and A. Assman) and Soviet philologists (Y. M. Lotman, B. M. Gasparov and Tartu-Moscow Semiotic School). It is shown that in modern philological science it is most productive to conduct the analysis of cultural memory and its dynamics on the basis of the theory of precedent phenomena by Y. N. Karaulov. It is the study of the precedent fund of linguoculture and the intertextual thesaurus of personality that makes possible to fully reconstruct the verbal component of the cultural memory of a particular linguoculture and detect or predict the inevitable sections of the generation gap.

Keywords: cultural memory; types of cultural memory; linguoculture; precedent phenomena; precedent fund; intertextual thesaurus.

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR and National Science Foundation of Bulgaria (NSFB), project number 20-512-18006» («Verbalization of cultural memory: precedent phenomena in psycholinguistic thesaurus of young Russians and Bulgarians»)

✉ **Prof. Valeriy Efremov, DSc.**

Web of Science ResearcherID: M-6351-2016

ORCID iD: 0000-0002-0247-706X

Russian Language Department

Herzen State Pedagogical University of Russia

Saint Petersburg, Russia

E-mail: valef@mail.ru

✉ **Prof. Valentina Chernyak, DSc.**

Web of Science ResearcherID: AAF-5613-2019

ORCID iD: 0000-0001-6214-0437

Russian Language Department

Herzen State Pedagogical University of Russia

Saint Petersburg, Russia

E-mail: vdcher@yandex.ru

✉ **Prof. Nadya Cherneva, DSc.**

Web of Science ResearcherID: AAN-6550-2020

ORCID iD: 0000-0001-8593-0642

Paisii Hilendarski University of Plovdiv

Plovdiv, Bulgaria

E-mail: ncherneva9@gmail.com